
Предательство моего сердца
Тень для Спецагента
Карина Родионова

Карина Родионова

Предательство моего сердца. Тень для Спецагента

«Автор»
2026

Родионова К.

Предательство моего сердца. Тень для Спецагента /
К. Родионова — «Автор», 2026

Я не доверяю мужчинам. Поэтому не работаю с ними, не завожу личные отношения. Будучи преданной, я решила больше никаких отношений с ними не иметь. Но спецагент службы безопасности императора находит то, от чего я не могу отказаться и готова все же сотрудничать с ним. А я ему нужна, ведь я умею становиться невидимкой.Простить или отомстить, вот в чем вопрос! Книга входит в цикл "Смотри сердцем", имеет общих героев с другими книгами цикла, но является самостоятельным произведением.

© Родионова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 16
Глава 6 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Карина Родионова Предательство моего сердца. Тень для Спецагента

Предательство моего сердца. Тень для спецагента
Карина Родионова

Глава 1

Полина

Я мчалась по улицам города, уже успевшего погрузиться в липкие, пахнущие углем и сыростью сумерки. Легко перепрыгивая через перегруженные тележки, перемахивая через гнилые заборы и просачиваясь в узкие щели между домами, я петляла, как загнанный заяц. На улицах меня знали под кличкой Пума, но сейчас, с надсадно хрипящей грудью и колотящимся сердцем, я чувствовала себя зайцем, которого гончие загоняют в тупик на радость охотнику.

Но «Псы Картена» — а именно так в трущобах называли этих безжалостных наемников — были слишком опытны, слишком хитры и неестественно сильны для пятнадцатилетней девчонки. И хотя на моей стороне были юркость и гибкость, против их грубой, натренированной мощи мне было не выстоять.

Когда я, сделав отчаянный прыжок, больно ударилась плечом о высокую глухую кирпичную стену, я поняла: это конец. Тени в переулке сгустились, отделяясь от мрака, и окружили меня со всех сторон. Их было пятеро — гора мышц, кожи и стали. Где-то в ближайших подворотнях, я была уверена, стояли на стрёме ещё пара таких же громил. А вот Кешка, который клялся и божился подстраховать меня, слинял подобру-поздорову. Трус. Я мысленно пообещала себе, что если останусь жива, то лично отрежу ему уши.

Я стояла, прижавшись спиной к холодному, шершавому кирпичу, а ко мне, не спеша, приближались наемники. Лязгнул металл — кто-то из них для устрашения достал нож.

– Какие люди, — с тягучей издевкой промурлыкал высокий мужчина со шрамом через всю щеку. — А мы тебя ищем-ищем, маленькая воровка. Поговорить хотели. Куда ж ты пропала, а, Пума?

– Девочка поиграть захотела, — басисто дополнил второй, сплевывая на булыжники. — В кошки-мышки. Ну что, мышка? Сама вернешь, что взяла, или нам тебя пощупать, по карманам поискать?

– А я бы поискал, — ухмыльнулся третий, жадным взглядом обрисовывая мои, хоть и худосочные, но уже начавшие округляться формы.

— Фу, Серый, там же не за что обыскивать, — лениво отозвался главарь, играя тяжелым медным кольцом на пальце. — Да и о чем базар-то? Булыжник к ногам, веревку на шею — и в реку. Пусть рыбы за тебя помолятся.

Я стояла ни жива, ни мертва. Да, я прекрасно понимала: отдам я им украденное добровольно или они найдут его в моем потайном кармане сами, результат будет один. И просто утопят — это еще самый милосердный исход, хоть недолго мучиться. Страх был животным, густым, он сковывал колени и не давал вдохнуть.

Я еще сильнее вжалась в стену и от ужаса зажмурилась. *Вот бы мне исчезнуть. Испариться. Провалиться сквозь землю, чтобы никто меня не увидел!*Хотелось слиться с этим проклятым кирпичом, раствориться в нем, стать частью ночи.

И вдруг... стало тихо. Не в переулке — там продолжали ругаться наемники, — а внутри моей головы. По коже пробежал странный, электрический озноб, словно я нырнула в ледяную воду. Воздух вокруг меня словно сжался, а затем с тихим *щелчком* расширился.

– Не понял! — голос главаря дрогнул. — Куда она делась?

– Да не могла она сбежать! — рявкнул Серый. — Мы же кругом стояли, как частокол!

– На стену не смогла бы взобраться, тут и кошке зацепиться не за что!

Мужчины начали суетиться, их тяжелые сапоги зашаркали по брусчатке. Они тыкали руками в темные углы, пинали мусорные ящики, заглядывали за пустые бочки.

Я, замерев, понимала, что происходит какая-то немыслимая дикость: они меня *не видели*.

Тихонько, стараясь не дышать, я сделала шаг вбок. И вовремя, потому что наемники вдруг догадались кинуться к тому месту, где я стояла секунду назад, и начать ощупывать кирпичную кладку, не веря своим глазам. Я осознала: если сейчас же не уйду, они могут наткнуться на меня случайно, просто протянув руку. Я продолжила смещаться вдоль стены, чувствуя себя призраком.

К счастью, от суеверного ужаса Псы даже не пытались сдержать эмоции. Они шумели, ругались и крестились так громко, что, пожалуй, даже если бы я топтала булыжники, как разъяренный слон, они бы ничего не услышали. Дойдя до края стены, я юркнула за угол. Там, привалившись к фонарному столбу, скучал еще один Пес, охраняющий периметр. Я, инстинктивно прижимаясь к теням, проскользнула мимо него так близко, что почувствовала запах дешевого табака от его куртки. Он даже не шелохнулся.

Выскользнув из переулка, я вылетела на шумную, залитую светом магических фонарей улицу.

Город еще не спал. Несмотря на густеющий мрак, тротуары кишели людьми. Кто-то спешил после смены, кто-то направлялся в театр. По мостовой с грохотом сновали пролетки, а на стоянках извозчиков было пусто — весь транспорт был при деле.

Я постаралась слиться с толпой, надеясь, что Псы не догадались выставить облаву на главные проспекты. Я шла, опустив голову, прячась то за спину крупного господина в безупречном сюртуке и котелке, то за пышные кринолины дам.

Но тут произошло нечто странное. Прохожие начали натыкаться на меня. Я инстинктивно увернулась от чьего-то локтя, но чей-то тяжелый зонтик все же задел мое плечо. Мужчина споткнулся, недовольно поморщился и... оглядел пространство вокруг. Его мозг просто отказался регистрировать препятствие. Вместо ругани я слышала лишь удивленные возгласы и бормотание про «проклятые кривые булыжники» и «внезапные сквозняки».

Причина, по которой я вдруг остановилась как вкопанная, заключалась в том, что я сама была в шоке. Я смотрела на большую стеклянную витрину модного салона, в которой идеально отражались прохожие, фонари и манекены в шикарных платьях... но не видела себя! Стекло безупречно показывало улицу за моей спиной, но там, где должна была стоять я, был лишь пустой просвет. Я, конечно, маленькая и худенькая, но не настолько же, чтобы отражающие поверхности меня игнорировали!

Слегка придя в себя, я сместилась в сторону, чтобы в меня снова никто не врезался, и лихорадочно заоглядывалась в поисках подтверждения. Потом, увидев, как очередная дама заходит в тот самый магазин, я нагло рванула за ней.

Никто меня даже не окликнул. Колокольчик над дверью звякнул, но продавщица лишь машинально повела глазами в сторону входа и тут же забыла об этом, переключив внимание на клиенток. Я проскользнула в коридорчик примерочных. К счастью, одна из кабинок была пуста. Я вбежала внутрь, дрожащими руками задернула тяжелую бархатную шторку и замерла перед высоким, в полный рост зеркалом.

Оно отражало резной карниз кабинки, крючок на стене, складки бархатной шторки... но не меня.

Я ошарашенно смотрела на пустоту в раме, когда снаружи раздался голос:

– Простите, есть тут кто-нибудь?

Я хотела пискнуть, что занято, но бархатная шторка резко отодвинулась. Молодая продавщица, сопровождающая дородную даму средних лет, заглянула внутрь. Ее взгляд прошел *сквозь* меня, словно я была соткана из тумана.

– Ну вот, видите, свободная кабинка, — улыбнулась она клиентке. — Странно, шторка была задвинута. Видно, девочки забыли проверить. Проходите, мадам!

Дама двинулась прямо на меня. Я испуганно прижалась к холодной стене примерочной и, затаив дыхание, бочком проскользнула мимо нее, чувствуя, как по моему плечу скользит шелк ее платья. Женщина лишь слегка поежилась, словно от холода.

Я выскочила из салона на улицу, жадно глотая вечерний воздух. Я уже выяснила одну простую и ужасающую вещь. Меня больше нет.

Я исчезла.

Глава 2

Я проснулась в холодном, липком поту. Сердце колотилось где-то в горле, а пальцы судорожно вцепились в края простыни. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем я заставила себя сесть и, протянув руку, коснуться холодной, шершавой стены. Твердая. Настоящая.

Прошло уже больше восьми лет с того вечера, когда я поняла, что я — Тень. Восемь лет с тех пор, как мое тело перестало подчиняться законам физики, но мне до сих пор постоянно снится тот проклятый переулок. И тот первобытный, всепоглощающий ужас, который я испытала, решив, что исчезла навсегда, растворившись в воздухе.

Отбросив одеяло, я встала, умылась ледяной водой из рукомойника и, глядя в зеркало, мысленно поблагодарила небо за то, что из него на меня смотрит отражение. Пусть бледное, с темными кругами под глазами, но мое. Приведя себя в порядок, я отправилась на крохотную кухню и поставила на огонь латунную турку. Сварила крепкий, горький черный кофе и, практически не отрываясь от чашки, уселась за стол.

Передо мной лежал свежий газетный листок, который я только что извлекла из своего почтового ящика. Обычный утренний ритуал. Глаза скользили по строчкам объявлений, а мозг лихорадочно считал монеты в кошельке. Я тяжело вздохнула, прикрыв газету ладонью: пожалуй, придется все же потратиться на рекламу в местной газетёнке. Когда ты работаешь исключительно с женщинами и для женщин, в нашем глубоко патриархальном обществе довольно сложно наработать клиентуру. Мужчины-детективы получают все жирные заказы от купцов и банкиров, а мне достаются лишь пропавшие канарейки и неверные мужья. Но отказываться от своих принципов я не собиралась.

Сполоснув опустевшую чашку, я накинула плащ и отправилась в офис. Мой «деловой квартал» располагался в одном из старых, глухих дворов столицы. Подойдя к тяжелой дубовой двери с облупившейся краской, я поправила на ней табличку.

Изначально, когда я только въезжала в этот крохотный кабинет с малозаметной дверью, на ней гордо красовалась строгая надпись: «Посторонним вход запрещен!». Но потом кто-то, явно женщина (мужчина вряд ли стал бы писать губной помадой), старательно зачеркнул слово «Посторонним» и крупными буквами приписал сверху: «Мужчинам».

Тут я не удержалась и вспомнила сказку, которую моя подруга Оса когда-то читала своему сыну Алешке. Там был игрушечный медведь, который жил в домике с вывеской «Посторонним В». Вдохновившись этой историей, я в один из скучных вечеров взяла ножницы и аккуратно отрезала кусок картона. Теперь на двери красовалось: «Мужчинам в». Чистой воды хулиганство с моей стороны, но пусть гадают, что это означает.

Нет, конечно, рядом висела и «правильная», солидная латунная табличка, которая гласила: «Детектив Юделевич П.С.». Но, во-первых, все почему-то считали, что за этим именем скрывается непременно усатый мужчина в сюртуке. А во-вторых, даже если клиент-мужчина и понимал, что детектив — женщина, ему приходилось объяснять, что я работаю *только*с клиентками женского пола.

Я повернула ключ в замке, вошла в офис и перевернула на двери маятниковую табличку, заменив положение «Закрыто» на «Открыто». Села за рабочий стол, привычным движением выровняв стопку бумаг, и загрустила. С клиентами было откровенно туговато.

Но менять свой подход я не собиралась. Потому что с меня хватит! Больше никаких мужчин в моей жизни! Совсем не контактировать с ними, конечно, не получится — мы все же живем в обществе, а не в лесу, — но я решила минимизировать риск общения с этими предателями до абсолютного нуля. А вот минимизировать общение с клиентами-женщинами я не могла, иначе пришлось бы голодать. Порой приходилось вести их дела весьма плотно,

копаться в их грязном белье, работа такая. Но я просто взяла за правило: не браться за заказы от лиц противоположного пола. Точка.

Нет, я не строю иллюзий. Женщины, конечно, тоже не ангелы. Многие из них пытались не доплатить, а то и вообще кинуть меня на деньги, изыскивая самые нелепые поводы: «результат не устроил», «душа не лежит», «астральный ретроград». Но тут я красноречиво тыкала пальцем в магически заверенный договор, который всегда заключала со всеми клиентами. Стоит только попытаться соврать о выполнении условий, как пергамент начинает неприятно дымиться и пахнуть паленым волосом. После такого фокуса попытки отлынивать от оплаты обычно быстро прекращались.

Но в отличие от мужчин, женщины никогда не разбивали мне сердце.

И если финансовые подлянки были неприятной, хотя порой и неизбежной проблемой, я легко с ними справлялась. Они вызывали у меня лишь легкое раздражение и профессиональный азарт. А вот мужчины... В конечном итоге, некоторым из них в прошлом удавалось залезть мне глубоко в душу, обжить там все уголки, а потом так методично и жестоко там нагадить, что я зареклась. Не только иметь какие-то личные отношения, но и вообще близко подпускать их к своему внутреннему миру. Пусть лучше думают, что я просто вредная феминистка, чем узнают, что я — раненый зверь, который просто не хочет подставлять вторую щеку.

Глава 3

Первым мужчиной, предавшим меня, был мой отец. Нет, я его никогда не видела. Он исчез с поля моего зрения ещё до моего появления на свет, растворившись в тумане чьих-то недомолвок. И хотя мама в запале ссоры с отчимом, который пытался обозвать меня ублюдком, кричала, что я не ублюдок, что я рождена в законном браке, я как-то очень в этом сомневалась. Если я рождена в законном браке, то где мой папочка? Где бабушки, дедушки, тёти и дяди? Почему тогда мама живёт с отчимом, а не с ним?

Если же мой отец умер, то почему маме честно мне об этом не сказать? Почему она вообще ничего про него не рассказывает, отворачивается, когда я задаю вопросы, и меняет тему с пугающей поспешностью? В общем, я довольно быстро поняла: не было у меня никакого законного отца. Просто мама оправдывалась — и передо мной, и перед отчимом, и перед собой.

Какое-то время, в раннем детстве, я ещё хотела узнать, кто он — мой якобы законный папаша. Рисовала в тетрадках воображаемого героя, который обязательно за мной вернётся. Но довольно быстро это желание сменилось глухой обидой, переросшей в холодное безразличие: если он обо мне ничего знать не хочет, то и я о нём ничего знать не желаю.

Мы вполне неплохо жили с мамой вдвоём. Я не знаю, откуда у неё были деньги — вроде какое-то время она и не работала совсем, но нам на жизнь хватало. Не шиковали, но и не бедствовали. Собственный, не очень большой, но уютный двухэтажный домик с резными ставнями и садом, в котором по весне цвела сирень, стоял в центре нашего небольшого городка. Я ходила в приличную школу, носила аккуратные платьица и считала себя самой счастливой девочкой на свете.

Когда мне было лет двенадцать, в нашем доме появился дядя Костя. Высокий, широкоплечий, с густыми усами и громким смехом, он красиво ухаживал за мамой: приносил цветы, дарил ей дешёвые, но яркие безделушки, и мне — конфеты в блестящих фантиках. Он мне сразу понравился. Я была так одинока без отца, что цеплялась за любого мужчину, который обращал на меня внимание. И я не имела ничего против того, что со временем он переехал к нам, заняв половину маминой кровати.

Но потом всё изменилось. Медленно, как трещина по фарфору, а потом — обвально. Дядя Костя потерял работу, но все деньги, что у нас были, он пропивал в трактире на углу или проигрывал в карты с такими же, как он, проходимцами. Мама пошла работать. Но поскольку особых навыков у неё не было — она ведь столько лет просидела дома, — она устроилась в богатый особняк горничной-прачкой. Работая с утра до ночи, стирая чужое бельё до крови на руках, она зарабатывала совсем немного.

Что произошло с моей бойкой и жизнерадостной мамой, я так и не поняла. Та женщина, которая когда-то смеялась так, что дрожали стёкла, и пела мне колыбельные, исчезла. На её месте появилась тень — покорная, молчаливая, выполняющая все прихоти нового мужа.

«Неужели это такая любовь?» — думала я озадаченно, прячась под одеялом и слушая, как за стеной мама плачет, а дядя Костя её утешает — грубо, с пьяной лаской. Я была совсем ещё ребёнком и не могла правильно оценивать ситуации. Я не знала, что такие, как дядя Костя, умеют плести сети, из которых женщина уже не может выбраться даже тогда, когда понимает, что умирает.

Дядя Костя требовал всё больше и больше денег, вытягивая из мамы всё, что можно, и даже то, чего нельзя. Мы с ней сидели впроголодь, и мне пришлось сменить школу на попроще — ту, где учились дети из рабочих кварталов, в то время как отчим вовсю пьянствовал с друзьями на наши последние копейки. Какое-то время он злился и срывал на мне свою злость, всячески обзывая: «паршивкой», «бездельницей», «нахлебницей». Потом вдруг при-

тих. Напротив, стал как-то странно ласково разговаривать со мной и смотреть на меня каким-то масляным, липким взглядом, от которого у меня всё внутри сжималось в холодный комок.

Однажды я пришла из школы чуть раньше обычного — учитель заболел, и нам пару занятий отменили. Поднимаясь в свою комнату по скрипучей лестнице на второй этаж, я услышала пьяный разговор отчима с соседом Витьком. Они сидели на кухне, и оттуда доносились звон бутылок и густой хмельной смех. Сперва я хотела пройти, не обращая внимания, но вдруг услышала своё имя и застыла, вцепившись в перила.

— Какая девка ладная становится! — хвалил Витёк меня, и его голос был пропитан чем-то таким, от чего мне стало тошно. — Худющая только, откормил бы ты её. Хоть будет, за что подержаться.

И как-то противненько, сипло, хохотнул.

— Но-но! — вдруг возмутился дядя Костя, и в его голосе прозвучали не отцовские, а купеческие нотки. — Ты лапы-то к Польке не тяни. Я с неё хорошо заработать собираюсь. Пока она девка, можно весьма неплохой куш срубить. Потом уже буду продавать чуть дешевле — на поток пущу.

— И как же ты её кому-то подкладывать собираешься? — усомнился Витёк. — Она у вас с характером, упрётся же рогом, ничего не сделать. Девка бойкая, я видал.

— Да ладно тебе! — отмахнулся отчим. — Зелья всякие есть. Есть такие, с которых она покладистая да послушная станет. Сама ноги раздвинет, ещё и благодарить будет. У одного купца на рынке брал — работает безотказно.

— И что, нашёл уже покупателя на её целку?

— А то ж! — самодовольно заявил дядя Костя, и я услышала, как он хлопает себя по карману, видимо, доставая какую-то бумажку. — Завтра как раз встречаемся. Думаю, завтра же всё и провернем. Кстати, денег до завтра займёшь? Тут дело верное, отдам завтра же — железно!

Я тихо, как мышка, юркнула в свою комнату и заперлась на шаткий крючок. Упав прямо на пол, на пушистый ковёр, до продажи которого ещё не дошли руки дяди Кости, я судорожно глотала воздух, пытаясь совладать с тем, что поднималось из живота холодной волной. От шока я просто забыла, как дышать. Мне было четырнадцать лет, и я, конечно, ещё была достаточно бестолковой в некоторых вещах, но и совсем идиоткой не была. Я уже слышала на улице обрывки разговоров взрослых. И сразу поняла: отчим решил сделать из меня малолетнюю потаскушку.

А чтобы не сопротивлялась, он просто будет подпаивать меня каким-то зельем, так что я сама буду идти на всё это, становясь постепенно беспрекословным овощем. От таких перспектив темнело перед глазами, а в ушах звенело, как после удара колокола.

Я на цыпочках, через чёрный ход, вышла из дома и кинулась к маме на работу. К кому ещё мне обратиться? К соседям? Так они мне просто не поверят. К учителю? Так он скажет: «иди разбирайся с семьёй сама». Мама, конечно, странно ведёт себя в последнее время, но я же ей дочь, родная кровь, разве она позволит такое сделать со мной? Разве материнское сердце не проснётся?

Я примчалась к богатому особняку на другом конце города, где мама работала, и, задыхаясь, попросила служанку позвать её. Мама вышла через чёрный ход. С обветренными, потрескавшимися руками, усталыми глазами и каким-то потухшим, стеклянным взглядом, она уже мало была похожа на себя прежнюю. На ней был дешёвый ситцевый платок, и седые пряди, которых раньше не было, выбивались из-под него.

— Поля? Что ты тут делаешь? — удивилась она, моргая, словно не сразу узнав меня.

— Мама! — кинулась я к ней, хватая за холодные, пахнущие щёлоком руки. — Мама, дядя Костя, он…

Я начала рыдать, и мне трудно было что-то сказать. Слова застревали в горле острым комом.

— Что, что с ним случилось? — испугалась мама, и в её голосе на мгновение прозвучала та самая, прежняя, материнская тревога.

— С ним ничего. Это со мной может случиться. — Я глотнула слёз и выпалила: — Мама, он хочет сделать из меня шлюху! Продать мою девственность и зарабатывать на мне таким образом деньги! Завтра! Завтра он хочет меня продать!

— Поля! — возмущённо воскликнула мама, и её лицо мгновенно окаменело. — Как ты можешь так говорить о человеке, который заменил тебе родного отца! Он не ангел, согласна, но рассказывать о нём такие гадости! Даже не смей!

— Мама, ведь я твоя дочь! — рыдала я, цепляясь за её рукав. — Как ты можешь мне такое говорить! Он сам сказал! Я слышала своими ушами! Он с Витьком говорил, он покупателя нашёл, он зелье купил!

— Хватит! — резко оборвала она меня, и в её глазах я увидела не мать, а чужую, загнанную женщину, которая защищает единственное, что у неё осталось. — Если ты будешь так относиться к моему мужу, ты мне не дочь!

Я потерянно посмотрела на женщину, которой всецело доверяла всю свою жизнь, и… не узнала её. Целью всей её жизни стал дядя Костя. Все его желания, все его прихоти она готова была выполнять по первому его зову, даже если бы он попросил её зарезать родную дочь. Я вдруг поняла страшную вещь: мамы у меня больше нет. Есть чьё-то послушное существо, которое живёт только ради того, чтобы угодить мужчине.

Я развернулась и побрела обратно домой. Ноги сами несли меня, а в голове стучала одна мысль: *я одна. Я совершенно одна.*

На цыпочках вошла в дом, боясь встретиться с отчимом, но услышала громкий храп из его спальни и выдохнула с облегчением. Напился и вырубился, теперь проспит до утра. Значит, время есть. Но немного — к утру он проснётся, и тогда будет поздно.

Я собрала сумку, кинув туда лишь пару смен самой нужной одежды, взяла мешок с сухарями — их удобно будет нести, фляжку с водой. Денег в доме не было, взять их было неоткуда. Мама всё отдавала отчиму, а он всё пропивал. Хотя…

Я вспомнила разговор, при котором дядя Костя просил денег у Витька. Пробралась в спальню, где прямо в одежде, поверх покрывала, громко храпел отчим. В комнате пахло перегаром так, что щипало глаза. В кармане его штанов, перекинутых через спинку стула, явно что-то лежало — я видела, как он туда что-то сунул перед тем, как напиться.

Замирая от страха, я протянула руку к этому карману. Сердце колотилось так громко, что, казалось, разбудит мертвеца. Дядя Костя вдруг заворочался, повернулся на бок, и я чуть не умерла от ужаса, вжавшись в стену. Но он лишь чмокнул губами и продолжил храпеть. Я сунула руку в карман и вытащила оттуда несколько не очень крупных купюр. Немного, но на первое время хватит — доехать до столицы, снять комнату, продержаться неделю-другую.

Взяла сумку, ещё раз оглядела свою комнату — детство, оставшееся за порогом, — и выскользнула из дома. Ночь была холодной, звёзды висели низко, и я, не оглядываясь, побежала.

Глава 4

Прятаться от отчима в родном городишке смысла не имело. Так или иначе, рано или поздно — всё равно найдёт. Городок-то совсем небольшой, улочки корявые, домишки прижались друг к дружке, как старухи на лавочке у дома. Все друг друга знают, каждый чужой на виду — покажешься на глаза соседке, а она уже языком треплет: «Видали, мол, девчонка бегает, видать, дома неладно». И через час отчим уже будет знать, где меня искать.

Идти в полицию тоже было бессмысленно. Я это понимала ясно, хоть и больно. Во-первых, никаких доказательств — всего лишь подслушала разговор. Кто мне поверит? Скажут: «А ну-ка приведи свидетелей». А свидетелей и нет — один Витёк, да тот ещё и соучастник. Во-вторых, слово подростка против слов взрослого, да тем более двух взрослых, в нашем городе ничего не значило. Полиция у нас с отчимом в одной пивной сидела, в одни карты играла. А в том, что мама окажется на стороне отчима, я уже не сомневалась. Заявят, что мне что-нибудь не то померещилось. Или что обиделась на отчима, ревную к маме, и придумала всякие небылицы. А я ещё и наказание получу — за клевету, за наговоры, за непочтительность.

Значит, надо было уезжать из города. И как можно дальше.

Куда? Конечно, в столицу. Там город большой, каменный, многоэтажный — можно затеряться в толпе, стать одной из тысяч таких же прохожих, у которых нет ни имени, ни истории. Придётся, конечно, искать работу и как-то устраиваться.

Наивная, я тогда полагала, что четырнадцатилетняя девчонка может легко устроиться в незнакомом большом городе. Денег на первое время хватило бы, но впритык. При очень скромных расходах — питаться одним хлебом, снять крохотную комнатушку — можно было протянуть пару недель.

Правда, я толком не знала, сколько стоит снять жилье в столице, сколько стоит еда, сколько — проезд. Но у меня не было выбора: бежать надо было, однозначно. А там уже разбираться с ситуацией. Главное — вырваться.

Я помчалась на вокзал, благо через наш городишко проходили поезда до столицы. Маленький вокзал с облупившейся краской на стенах и запахом керосина, мочёных яблок и дешёвого табака, встретил меня гудками и суетой. Мне повезло — удалось купить самый дешёвый билет в сидячем вагоне на поезд, который проходил нашу станцию уже через час. Этого времени мне как раз хватило, чтобы купить у какой-то тётки на вокзале, торговавшей прямо с лотка, несколько пирожков с капустой. Один я съела тут же, жадно глотая горячее, маслянистое тесто, а остальные завернула в тряпицу и взяла с собой в дорогу.

Вагон оказался набит битком: шумные семейства с плачущими детьми, какие-то бабки с огромными баулами, перевязанными верёвкой, мелкие торговцы со своими тюками — кто с шерстью, кто с сушёной рыбой, кто с тряпьём. Все толкались, кричали, ругались, устраивались поудобнее, распихивая свои сумки и тюки по всем возможным углам — на полки, под ноги, на соседние сиденья. Воздух в вагоне был густой, спёртый, пахло пылью, потом, варёной картошкой и чьими-то мокрыми сапогами.

Мне удалось с трудом пристроиться между двумя тюками на своём боковом сиденье. Когда поезд, кряхтя и лязгая сцепками, тронулся, я даже умудрилась задремать, приткнувшись к уютному и мягкому мешку, в котором один из мелких торгашей вез шерсть на продажу. Мешок пах овцой и пылью, и было в этом запахе что-то деревенское, спокойное.

Ехать предстояло часов десять. Сквозь сон я слышала мерный стук колёс, гудок паровоза, чьи-то разговоры вполголоса. Подъехали к какой-то станции, постояли, поехали дальше. Всё это я отмечала, не выплывая из дремы, как будто находилась где-то между сном и явью, между прошлой жизнью и тем, что ждало впереди.

Через пару часов я проснулась, поняв, что проголодалась. Потянулась к своей сумке за пирожками и водой — и обмерла.

Сумка была раскрыта нараспашку, хотя я хорошо помнила, что плотно застёгивала её, просунув ремешок через пряжку. Тряпица с пирожками лежала нетронутой, фляжка — на месте. Но внутри, там, где должен был лежать кошелёк, зияла пустота. Я кинулась шарить по дну, по уголкам, выворачивая подкладку, — и поняла страшное: кошелька не было. Меня попросту обокрали. Пока я спала, прижавшись к чужому мешку с шерстью, кто-то ловко и тихо обчистил меня, как последнего простака.

Где-то уголком сознания я даже поразилась уловкам судьбы — горько, со вкусом железа во рту: я обокрала отчима, а какой-то неведомый воришка обокрал меня. Закон бумеранга.

В общем, осталась я одна, без денег, без связей и знакомств, направляющаяся в чужой незнакомый город. И впереди у меня было только одно — неизвестность.

Глава 5

В городе было шумно и многолюдно. Разница с моим маленьким городишком чувствовалась с первых же шагов. Там каждый второй встречный — твой кум, брат или сват. А каждый первый — так или иначе знаком: вот соседка тётя Клава идёт с авоськой, вот учительница математики в булочную заворачивает, вот дворник дядя Миша подметает улицу через дорогу. Но то было в моем городе, а тут, в столице — огромная, гудящая, пёстрая толпа незнакомых людей. Все куда-то бегут, снуют, торопятся, и ни один даже не посмотрит в твою сторону.

Я вышла на перрон и застыла посреди людского потока: куда идти? Денег нет. Последний пирожок был прикончен перед выходом с вокзала, и в животе уже начало предательски урчать. И я уныло побрела по незнакомым улицам, опустив голову. Даже глазеть по сторонам не хотелось — не было настроения.

Хотя столица, надо признать, была красива: высокие каменные дома с лепниной, витрины магазинов, запряжённые кареты, дамы в шляпках, господа в цилиндрах. Но всё это было не для меня.

По дороге увидела на большой доске объявлений целую пёструю простыню бумажек. «Продам», «Куплю», «Обменяю»... О, вот, «Требуется». Прочла первое попавшееся объявление: «Требуется няня… опыт работы… рекомендации…» М-да, не годится. А вот: «Вакансия продавца». Адрес… Огляделась по сторонам, разглядывая таблички на домах, — ага, вот оно, совсем недалеко, через два дома.

Подошла к небольшой лавке скобяных товаров, пахнущей железом и керосином, и робко заглянула внутрь:

— Это вам требуется продавец?

— Это ты, что ли, в продавцы наметилась? — спросил немолодой уже, серьёзный мужчина с густыми усами и проницательными глазами.

— Ну… да.

— Тебе хоть восемнадцать-то исполнилось, продавщица?

— Скоро исполнится!

Не стала объяснять, что это «скоро» свершится года через четыре.

— Ну-ну! — хмыкнул он, возвращаясь к своим гайкам. — Вот когда исполнится, тогда и придёшь. Да и не бегай, не ищи! Никто тебя несовершеннолетнюю на работу не возьмёт, не по закону это! Возвращайся лучше к мамке с папкой, гулёна!

И я совсем поникла. Нельзя мне возвращаться. Да и не на что уже. Побрела дальше, и с каждым шагом надежда таяла, как весенний снег на солнцепёке.

На улице уже совсем стемнело, и надо было куда-нибудь устраиваться на ночлег. Я попыталась устроиться на скамейке в сквере, под сенью развесистого клёна, но тут же появился полицейский — с тяжёлой дубинкой на поясе и строгим взглядом из-под фуражки. Спросил, кто я такая, что тут делаю и почему не иду домой. Пришлось сказать, что я вот только на минутку присела, устала, и сейчас уже пойду домой, к маме. Полицейский подозрительно прищурился, но отстал.

Вышла на набережную реки, присела на скамейку у причала и задумалась. Тёмная вода плескалась о каменные плиты, где-то вдалеке гудел пароход. Сколько я протяну в таких условиях? Ну хорошо, сейчас конец мая и на улице тепло, не замёрзну. А есть я что буду, когда сухари в мешке закончатся? А когда обувь износится? А если заболею?

Я сидела, сжавшись комочком, прижав к себе колени, и по моим щекам текли слёзы — тихие, солёные, беззвучные. Настолько одинокой и никому не нужной я себя ещё никогда не ощущала. А также беззащитной и совсем не понимающей, как жить дальше.

— Ты что тут делаешь? — вдруг раздался голос позади меня.

Я подскочила, как ужаленная. Рядом стоял парень на пару лет старше меня. Одет он был как обычный уличный мальчишка: потёртая кепка, рубаха с закатанными рукавами, штаны с заплатками на коленях. Смотрел на меня внимательно и как-то подозрительно, прищурившись, будто оценивал. Я смахнула непрошеную слезу и буркнула:

— А тебе какое дело?

— Это наша территория! — отрезал он. — Либо работаешь на нас, либо катись в другой район. Тут нам чужие попрошайки не нужны!

— Я не… — захлебнулась я от возмущения, пытаясь сказать, что я не попрошайка.

А потом оглянулась и увидела, что рядом со мной на скамейке стоит какая-то картонная коробка, в которую, похоже, кто-то сердобольный успел кинуть мелкую монетку. Надо же, я даже не увидела и не услышала этого — кто-то подошёл сзади и положил.

— Я не попрошайка! — уже твёрже заявила я.

Но монетку из коробки всё же забрала. Что поделать — есть хотелось нестерпимо.

— И что же ты тут делаешь посреди ночи?

— Сижу! Не видно? — я начала злиться.

— Ты чего, потеряшка, что ли? — голос мальчишки вдруг смягчился.

— Ну… как сказать. Меня никто не терял.

— Из дома сбежала? — понимающе уточнил он.

Я молча кивнула.

— Понятно. Есть куда идти?

Отрицательно помотала головой.

— Ладно, пошли, пристрою тебя, — вздохнул парень и махнул рукой, мол, двигай за мной.

По дороге он представился:

— Меня Иннокентием зовут. Можешь просто Кешкой звать.

— Меня Полиной, — представилась я в ответ.

— Полька, значит, — кивнул он.

Мы пришли к какому-то небольшому заброшенному дому на окраине — покосившемуся, с выбитыми окнами и облупившейся штукатуркой. На его двери висел ржавый замок, но Кешка просто подошёл и дёрнул его — замок раскрылся. Он был не закрыт на ключ. Просто видимость, для посторонних глаз.

В доме была всего одна комната, но довольно просторная, с высоким потолком и обоями, местами отвалившимися до самой штукатурки. У стены стояла большая железная кровать с панцирной сеткой, на которую было накинуто старенькое драное одеяло. На полу везде лежали матрасы разной степени потрёпанности — в основном старые и драные. На них также валялись какие-то тряпки, служившие одеялами. Стоял и стол, на котором лежала нехитрая посуда: несколько жестяных тарелок, гнутых ложек и кухонный нож с обмотанной тряпкой ручкой. Еды на столе не было.

— Вон, — ткнул пальцем Кешка в какой-то тоненький и тоже драный матрас в углу комнаты, — это место сейчас свободно. Можешь занять.

Я осторожно пробралась мимо валяющегося повсюду хлама к этому матрасу и села, осторожно, будто боясь, что он рассыплется под мной.

— Ребят пока нет, все на деле. Скоро начнут подтягиваться, — пояснил он, устраиваясь на кровати. — Рассказывай пока, как на улице оказалась.

И я почему-то рассказала. Просто нужно было хоть кому-то довериться, выплеснуть всё, что накопилось за этот страшный день. Почему бы и не этому странному Кешке? Он хотя бы не осуждал — слушал молча, хмурясь.

— Мда… — выдал парень, когда я умолкла. — Даже ума не приложу пока, что с тобой делать. Ладно, завтра сходишь со мной на дело, посмотрю на тебя, там решим. Но если ты про это наше место хоть кому-нибудь проболтаешься!

И он сделал движение, как будто перерезает горло. Мне даже стало вдруг жутко, и я отчаянно замотала головой:

— Никому, ни в жизнь!

Вскоре и правда стали подтягиваться другие ребята. В основном это были мальчишки разного возраста — от десяти до пятнадцати лет. Все в разной степени потрёпанности, лохматости и чумазости. Всего их набралось человек десять. Была в этой компании и девочка. Скорее девушка, примерно моего возраста.

— Это Сова, Хилый, Крысёныш, — представлял ребят Кешка, тыча пальцем в каждого.

В этой компании Иннокентий был самым старшим и, как я поняла, самым главным. Все они промышляли всяческим попрошайничеством, мелкими карманными кражами и хулиганством. В общем, изымали финансы различными не очень законными способами. Или очень незаконными.

Чем промышляла девочка, я не поняла, а она не особо стремилась мне рассказывать. Кстати, девочку звали красивым именем Мальвина, хотя на вид она была совсем простушкой с куцым, каким-то серењким хвостиком и блёклыми глазами. Я бы её назвала скорее Мышкой.

На следующий день Кешка взял меня «на дело». Дело состояло в том, что мы толклись на шумном и людном рынке, где я глазела по сторонам, а Кешка ругался, чтобы я не ловила ворон. В какой-то момент вдруг какая-то тётка заверещала: «Ограбили-и-и! Кошелёк украли-и-и-и!» Кешка шепнул мне: «Бежим, в разные стороны!» — и помчался в сторону выхода с рынка. Я побежала в другую сторону, ловко лавируя между людьми, перепрыгивая через какие-то ящики и проскальзывая под прилавками.

Когда я прибежала в наш домик, Кешка ждал меня там, сидя на кровати и лениво подбрасывая монету. Вскоре в доме появилась и Мышка. Она кивнула нам и доложила Кешке:

— Пойдёт. Юркая, быстрая, ловкая. Обучить маленько, да пообтесать, будет толк.

Я не сразу поняла, о чём это она. Потом до меня дошло: всё это время на рынке откуда-то за нами наблюдала незаметная Мышка. Она следила за мной, внимательно фиксируя все мои движения, и вот, сделала свой вывод, о чём и доложила Кешке.

— К тому же девчонка, на девчонок реже грешат, — задумчиво добавил Кешка.

И меня начали учить. Незаметно подрезать кошельки, вскрывать замки, вытаскивать деньги из карманов. Нравилось ли мне это? Испытывала ли я муки совести? А я не думала. Просто в какой-то момент осознала, что другого выхода у меня нет. Зато у меня был Кешка — заботливый друг, который помогал, обучал, не давал сдохнуть с голоду.

Была компания… ну не то чтобы друзей, но я была не одна.

Мне дали прозвище Пума. Темноволосая, гибкая и юркая, чем-то я напоминала Кешке это животное из семейства кошачьих. А ребята не спорили — они просто не знали, кто это. Пума, так Пума.

Зимой стало холодно, и мы стали топить маленькую печку, с трудом прогревая продуваемый всеми ветрами домик. Не шиковали, воровали по мелочи. Да и кто бы нам дал что-то украсть по-крупному? Этим занимались банды повзрослее. Самые мелкие пацаны с несчастными чумазыми мордашками попрошайничали у церкви.

Прошёл почти год, когда Кешка вдруг вернулся домой страшно довольный:

— У нас задание! — гордо заявил он.

Глава 6

Задание было до крайности странным, и выполнять его приходилось нам с Кешкой вдвоём. А странным оно было потому, что мы должны были залезть в дом какого-то типа и вынести оттуда одну вещь. Вообще-то домушничеством мы не занимались — для этого были другие люди, причём взрослые, матерые воры, и мы им никогда не переходили дорогу. Наша вотчина была — карманные кражи, рыночная мелочёвка и прочая суета.

— Нам хорошо за это заплатят! — вещал Кешка, и в его глазах горели недобрые, жадные огоньки. Пронзительно глядя мне в глаза, он добавил, понизив голос: — Пумочка, ты ж у нас самая-самая! Ты справишься. А я тебя поддержу, подстрахую снаружи. Там такие деньжищи обещают!

Ну разве я могла отказать в помощи другу, который вытащил меня с улицы? И я согласилась.

Дом, который на первый взгляд казался обычным, с виду ничем не примечательным особняком, внутри оказался… странным. Комната, в которую я бесшумно пробралась через приоткрытое окно, была вся заставлена столами и шкафами. Воздух здесь пах пылью, медью и какими-то едкими травами. На столах лежали всякие железки, колбочки с мутной жидкостью, стеклянные трубочки, проволочки и прочие, порой совершенно неведомые мне вещи. В шкафах тоже стояли колбочки, но по большей части полки были забиты книгами. Забиты до отказа, порой толстые фолианты туда просто не влезали и стояли кривыми стопками прямо на полу, на подоконниках и даже на стульях.

— Ты должна взять маленький камушек, — объяснял мне Кешка перед тем, как идти на дело.

Он описал, как примерно выглядит этот камушек, но когда я влезла в комнату, я поняла, что это — дохлый номер. Ну нереально в таком хаосе и нагромождении хлама найти какой-то там маленький камень. Но я начала методично, полку за полкой, осматривать всё. Ничего подобного нигде не было.

И только когда я уже хотела плюнуть на всё и вернуться ни с чем, вдруг увидела: на столе, заваленном чертежами, на котором мне и в голову не пришло бы искать что-то ценное, рядом с тарелкой, на которой заветрился недоеденный бутерброд, небрежно лежал тот самый камешек. Я обрадовалась, схватила его, сунула во внутренний, скрытый кармашек брюк и полезла обратно в окно.

Вот только у дома меня уже ждали.

Вернее, не меня. Банда Псов Картена — тех самых наёмников, которых я узнала по их грубым кожаным жилеткам и штанам — уже направлялась в сторону стоящего неподалёку Кешки. Тот, увидев надвигающуюся опасность и поняв, что крыса попалась в капкан, даже не попытался бежать сразу. Он закричал, тыча пальцем в меня:

— Это она, Пума! Она украла то, что вам нужно! Она внутри!

И когда наёмники, рыча, развернулись и двинулись в мою сторону, Кешка резко рванул в переулок и помчался подальше от места преступления, бросив меня на съедение. Я тоже побежала.

Я мчалась, удирая со всех ног, петляя по дворам, но Псы были слишком опытны. Они взяли меня в кольцо, загнали в глухой тупик. Я прижалась спиной к холодному кирпичу. Сердце колотилось так, что казалось — оно пробьёт грудь. Я зажмурилась от ужаса, молясь, чтобы меня не трогали, чтобы я просто исчезла. И вдруг... стало тихо.

Я открыла глаза. Псы стояли в шаге от меня, ругались, пинали мусорные баки, заглядывали за ящики. Они смотрели *сквозь*меня. Сама не знаю, как это произошло. Вот она, я, стояла и до безумия боялась этих страшных типов, а вот они меня потеряли. А потом и я сама

поняла, что меня никто, совсем никто не видит. Даже я сама — стоило попытаться найти свое отражение в примерочной кабинке лавки, торгующей женской одеждой.

Покинув лавку, я спустилась к реке, нашла скрытое от прохожих место под плакучей ивой, чьи ветви свисали до самой воды, и села на мокрую траву. Что мне теперь делать?

Во-первых, что делать с моей невидимостью? Неужели это навсегда?

Во-вторых, куда мне теперь идти? Возвращаться домой, к ребятам, к Кешке? О нет, только не это. Я ж не совсем идиотка! Очевидно, что раз Кешка меня уже подставил, хоть и твердил мне все время, что он — мой друг, он сдаст меня Псам сразу же, как только я появлюсь в доме. Ну либо Псы меня уже там ожидают, что даже более вероятно. Ясно одно — возвращаться мне нельзя. И в городе оставаться тоже. Если… или когда я стану видимой, меня тут же поймают. А что со мной сделают Псы, я боялась даже думать. Они гуманностью не отличаются.

Оставался один вариант. Но для того, чтобы его применить, нужно вернуть свою видимость, иначе меня просто не услышат и не увидят. И как мне это сделать?

Я так вымоталась, что сил о чём-то думать уже не осталось. Я прилегла на траву и под шелест листьев ивы и мерный шум воды в реке задремала. Хорошо, что ночи нынче тёплые, не очень замёрзла. Да и привыкла я уже спать в холоде за этот год.

Проснулась я уже на рассвете, когда небо только начало сереть. Спустилась к реке, умылась ледяной водой и пригладила растрепавшиеся волосы. Мне стало легче после сна и умывания. Я опустила голову, посмотреть на воду, и… увидела своё отражение. Выдохнула с облегчением, аж плечи опустились. Итак, я снова видимая!

Ну что ж, надо подождать ещё несколько часов в укромном месте, пока город окончательно не проснётся, и постараться незаметно пройти туда, куда я собиралась.

К счастью, тут меня Псы не ждали. Им просто в голову не могло прийти, что мне хватит наглости явиться в полицейский участок. Да только мне некуда было деваться. Уж лучше в тюрьме оказаться, чем на том свете. Добиралась я до полицейского управления окольными путями — по дворам, закоулкам и подворотням, благо, за этот год успела изучить город, как свои пять пальцев.

В участке было людно, шумно и пахло махоркой, чернилами и пылью. Все куда-то спешили, что-то бурно обсуждали, гремели сапогами. Я подошла к дежурному на входе, который лениво ковырял в носу кончиком пера:

— Здравствуйте, мне нужен следователь!

— Какой именно следователь тебе нужен, девочка? — мягко, но с усталой иронией спросил дежурный, отрываясь от бумаг.

— Самый умный! — ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Тот хохотнул, закашлялся, но выгонять меня не стал. Только крикнул куда-то в другой конец коридора:

— Перчик! Это к тебе!

— Сколько раз тебе говорить, я не Перчик, а Перченцов Николай Васильевич! — донёсся раздражённый, скрипучий голос из-за закрытой двери.

— Ну всё равно к тебе! — не смутился дежурный и пропустил меня, указав пальцем направление. — Третья дверь налево.

Мужчина, который встретил меня в кабинете, если и напоминал перчик, то сушёный, скрученный и давно потерявший всю остроту. Длинный, сутулый, далеко уже не молодой, с сетью глубоких морщин на лице и редкими седыми волосами. Он выглядел предельно уставшим, а в глазах читалась какая-то вселенская обречённость. Всё в нём говорило о том, что он не очень рад тому, что к нему припёрлась какая-то оборванная девица с очередными глупостями.

Я молча подошла и положила камушек на его заваленный бумагами стол. Он удивлённо посмотрел сперва на него, потом на меня, поправил пенсне и спросил:

— Ну и что это?

И я рассказала. Всё. Начиная с того, как, оказавшись одна в этом городе, попала в банду малолетних воришек. Как меня взяли «на дело» и как я украла этот камень. А также о том, как потом на меня охотились Псы Картена и как меня предал Кешка.

— И как же ты от них сбежала? — удивлённо приподняв густую бровь, спросил «Перчик».

Тогда я рассказала о том, как стала невидимой и смогла уйти от погони.

— Ну ты и фантазёрка! — хохотнул Николай Васильевич, откидываясь на спинку скрипящего кресла.

Конечно, он мне не поверил. Счёл за сказку, которую я сочинила, чтобы скрыть настоящих подельников. Но протянул мне чистый лист бумаги и ручку и велел:

— Пиши адрес того дома, откуда камушек вытащила.

Я написала. Тогда он предупредил, глядя на меня уже совсем другим, серьёзным взглядом:

— Я пока запру тебя в камере. Это нужно в первую очередь для твоей безопасности. Во всяком случае, если всё, что ты мне сейчас рассказала — правда. А я проверю.

Я не спорила, только кивнула головой. Мне и правда, не стоило даже выходить из полицейского управления. Слишком велика вероятность, что я и двух шагов за ограду сделать не успею, как окажусь уже в руках Псов.

Перченцов вызвал охрану, и меня под конвоем сопроводили в камеру. К счастью, запихивать меня в переполненный «обезьянник», где я успела разглядеть каких-то сомнительных, пьяных и злобных личностей, не стали, а отвели в маленькую, но чистую одиночку. Там я и растянулась на жёсткой скамье, поджав ноги, и стала ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.